

соединять и, при отсутствіи всякаго посредства, нѣкоторымъ образомъ представлять насъ къ Самому Богу. А праведными или оправданными мы дѣлаемся чрезъ вѣру во Христа, „Который преданъ былъ ради преступленій нашихъ, по написанному (Римл. 4, 25), воскресъ же ради оправданія нашего“. Вся вѣдь въ Немъ, какъ въ начаткѣ рода, человѣческая природа перемѣнилась къ новой жизни и, восходя какъ бы въ свое первоначало, преобразилась къ святости. Поэтому и говорить: „освяти ихъ, Отецъ, въ истинѣ Твоей“, то-есть во Мнѣ, ибо Слово Твое истина есть, то-есть опять Я: вѣдь Я освятилъ *за нихъ Себя*, то-есть посвятилъ и принесъ, одинъ умерши за всѣхъ, да преобразую ихъ къ новой жизни, и да *освящены будутъ въ истинѣ*, то-есть во Мнѣ.

Изъяснивъ и принявъ значеніе толкуемаго изреченія согласно только что изложенному нами пониманію его, не умедлимъ перейти и къ другимъ разсужденіямъ; ибо стремленіе тщательно изслѣдовать не легко постигаемыя мысли считаю занятіемъ достопочтеннѣйшимъ какъ для самихъ желающихъ дѣлать это, такъ и для любознательнѣйшихъ слушателей.

Итакъ, Господь Нашъ Иисусъ Христосъ сказалъ, что Онъ святитъ Себя за насъ, чтобы и мы стали *освященными въ истинѣ*. Какъ же Онъ освящается, хотя и святъ по природѣ, чтобы и мы стали освященными,—это опять, держась догматовъ Церкви и не преступая прямого правила вѣры, насколько можно лучше, рассмотримъ. Утверждаетъ, что, будучи Богомъ по природѣ и въ образѣ и равенствѣ съ Богомъ и Отцомъ, Единородный уничтожилъ Себя, по писаніямъ (Филип. 2, 6—7), и сталъ человѣкомъ отъ жены (Гал. 4, 4), воспріявъ все свойственное человѣку, кромѣ одного только грѣха, и неизреченно сое-

динивъ Себя съ нашею природою, по добровольному желанію. И это для того, чтобы, преобразивъ ее (человѣческую природу) въ Себѣ Самомъ первомъ и чрезъ Себя снова въ ту красоту, разумѣю изначальную, такимъ образомъ оказавшись для насъ вторымъ Адамомъ, то есть небеснымъ человѣкомъ (1 Кор. 15, 47), и ставъ первымъ изъ всѣхъ и начаткомъ (1 Кор. 15, 20, 23) возсозидаемыхъ къ новой жизни, очевидно въ нетлѣннѣи и праведности и святости, получаемой чрезъ Духа,—перенести чрезъ Себя эти блага уже на весь родъ. Поэтому Онъ, хотя и будучи жизнью по природѣ, оказался въ мертвецахъ, дабы, упразднивъ въ насъ смерть нашу, преобразить насъ въ Свою жизнь. А также, будучи праведностью Бога и Отца, (1 Кор. 1, 30) Онъ сталъ за насъ грѣхомъ (2 Кор. 5, 21), по слову пророка: „Онъ грѣхи наши беретъ“ (Иса. 53, 4), и причтенъ съ нами къ беззаконникамъ (ст. 12), чтобы оправдать насъ посредствомъ Себя, разорвавъ „бывшее противъ насъ рукописаніе и пригвоздивъ его къ Своему Кресту“, по написанному (Колос. 2, 14). Точно также опять, будучи святъ по природѣ какъ Богъ, и всей твари,—для ея пребыванія, существованія и святости,—давая причастіе Святаго Духа, Онъ Самъ освящается ради насъ въ Святомъ Духѣ, причемъ не другой кто либо освящаетъ Его, но, напротивъ, Самъ это совершаетъ надъ Собою, для освященія Своей плоти. Вѣдь Онъ принимаетъ Духа Своего собственнаго и принимаетъ именно, по скольку былъ человѣкомъ, — однакожь и даетъ Его Себѣ, какъ Богъ. А дѣлалъ это для насъ, а не для Себя. Именно для того, чтобы, какъ скоро дѣло это получило начало отъ Него и въ Немъ первомъ, благодать освященія перешла бы уже такимъ образомъ на весь родъ. Дѣйствительно, какъ чрезъ

преступленіе и непослушаніе въ Адамѣ, какъ въ началѣ рода, природа осуждалась на смерть, въ лицѣ одного перваго услышавъ: „земля ты и въ землю отойдешь“ (Быт. 3. 19), такимъ же, думаю, образомъ чрезъ послушаніе и праведность Христа, поскольку Онъ сталъ подъ закономъ, хотя и будучи законодателемъ какъ Богъ,—могло перейти на всю природу благословеніе и животвореніе чрезъ Духа. Въдѣ Духъ преобразуетъ къ нетлѣннѣ разрушенное грѣхомъ и возсозидаетъ къ новой жизни обветшавшее отъ нерадѣнія и пришедшее къ уничтоженію.

Но быть можетъ скажешь: какъ же это Святой по природѣ освящался, и притомъ чрезъ причастіе (Духа)? Какимъ образомъ Тотъ, Кто даетъ Собственнаго Духа всѣмъ, достойнымъ Его воспріять, разумѣю какъ небожителей такъ и людей,—даруетъ Его Себѣ Самому?

Дѣйствительно, трудно это, даже совсѣмъ не мыслимо и не поддается изъясненію, когда будешь представлять явившееся отъ Бога Слово отрѣшенно и какъ-бы отдѣльно стоящимъ отъ освящаемаго чело-вѣчества (Его). Однакожь какъ скоро съ удивленіемъ станешь созерцать непостижимое единеніе и соитіе съ плотію, и Богъ по природѣ предстанетъ твоему уму ставшимъ подобнымъ намъ чело-вѣкомъ, то уже не будешь изумляться, но, изъясвъ изъ своихъ мыслей всякое смущеніе и представивъ въ своемъ умѣ Сына въ одно и то же время и Богомъ и чело-вѣкомъ, не станешь отрицать у Него подобающее чело-вѣчеству Его, хотя бы это и относилось къ лицу единаго по природѣ Сына, разумѣю Христа. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ смерть не должны мы считать совершенно чуждою Животворящему все Словоу?

Но скажешь, что потерпѣлъ это по плоти, ибо тѣло

подвержено смерти, а потому говорится, что умеръ,— вѣдь умерло собственное Его тѣло.

Прекрасное это разсужденіе и ты говоришь правильно. Дѣйствительно, ради насъ промыслительно предавъ на смерть Свое тѣло, Онъ снова внѣдрилъ въ него Свою жизнь, не Себя Самого очевидно освобождая отъ узъ смерти, поскольку мыслится Богомъ. Вѣдь Онъ пришелъ (на землю) и сталъ человѣкомъ не ради Себя, но для того, чтобы указать человѣческой природѣ чрезъ Себя и въ Себѣ путь къ избѣжанію смерти и возвращенію къ изначальному нетлѣнію. Примѣняя это разсужденіе къ данному вопросу, дойдешь до уразумѣнія образа освященія Христа.

Развѣ мы можемъ утверждать, чтобы земное тѣло, по отношенію своей природы, было свято, хотя бы даже и не принимало освященія отъ святаго по природѣ Бога? И неужели это возможно? Какое бы въ такомъ случаѣ мыслилось различіе между плотью земной и святой по природѣ и освящающей сущностью? Если же истинно то, что всякая разумная тварь и вообще все, призванное къ бытію и поставленное среди тварей, не имѣетъ освященія въ качествѣ плода своей природы, но получаетъ эту благодать отъ Святаго по природѣ, то развѣ не окажется верхомъ нелѣпости думать, что эта плоть не имѣетъ нужды въ Богѣ, по своей природѣ все освящающемъ? Итакъ, если не свята сама по себѣ плоть, то поэтому она освящена была и во Христѣ, какъ скоро въ ней вселилось Слово, чрезъ Духа Святаго освящающее Свой храмъ и превращающее его въ качество (святости—*ἁγιότης*) собственной природы. Поэтому то тѣло Христово и мыслится святымъ и освящающимъ, именно какъ, согласно только что сказанному нами, ставшее храмомъ соединившагося съ нимъ тѣлесно Слова, какъ

Павелъ говоритъ (Кол. 2, 9). По той же причинѣ нисходитъ на Него съ неба Духъ Святой въ видѣ голубя, что засвидѣтельствовало въ своихъ словахъ премудрый Іоаннъ (Креститель),—для того, чтобы мы опять знали, что какъ въ началѣ обновляемой природы, въ первомъ Христѣ сошелъ Духъ, поскольку Онъ (Христосъ) явился человѣкомъ, воспріимлющимъ освященіе. Но мы отнюдь не станемъ утверждать того, что святымъ по плоти Христосъ сталъ тогда, когда „Духа увидѣлъ сходящимъ“ Креститель (Іоан. 1, 32). Святъ Онъ былъ и въ зародышѣ и утробѣ (Матери), почему и сказано было блаженной Дѣвѣ: „Духъ Святой найдетъ на Тебя и Сила Вышняго осѣнитъ Тебя“ (Лук. 1, 35). Но видѣніе (голубя) дано въ знаменіе Крестителю. Однакожъ мы думаемъ, что плоть (Его) освящена чрезъ Духа, такъ какъ святое по природѣ и отъ Бога сущее Слово по подобію съ прочей тварью помазывало Имъ (Духомъ) Свой собственный храмъ. И это знавшій Псалмопѣвецъ возглашалъ, созерцая въ человѣчествѣ лицо Единороднаго: „ради сего помазалъ Тебя, Боже, Богъ Твой елеемъ радости болѣе причастниковъ Твоихъ“ (Псал. 44, 8). И хотя Самъ Сынъ помазалъ Свой храмъ, однакожъ говорится, что совершаетъ это Отецъ, ибо Онъ дѣйствуетъ не иначе, какъ чрезъ Сына. Сынъ же все, чтобы Онъ ни совершалъ, относитъ къ Отцу, отъ Коего Онъ рожденъ, ибо какъ бы корень и источникъ Своего Сына есть Отецъ.

Такимъ образомъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, если говорить о Себѣ Самомъ, что и Онъ освящается, хотя Онъ и святъ по природѣ, когда писанія называютъ и Богомъ Его отца, хотя и Онъ есть по природѣ Богъ. Но, думаю, со всею справедливостью и согласно истинѣ надо относить это къ по-

требностямъ человѣчества и соотвѣтствующему намъ образу (Его). Какъ умеръ Онъ за насъ по плоти, какъ человѣкъ, хотя и будучи Богомъ по природѣ,—и какъ, поставленный въ рядъ тварей и подъ иго ради человѣчества, хотя и будучи Богомъ всяческихъ, Онъ называетъ Отца Своимъ Богомъ: такимъ же образомъ Онъ утверждаетъ, что святить Себя ради насъ, чтобы, когда это (дѣло освященія) коснется насъ, въ Немъ, какъ въ начаткѣ обновляемой природы, и мы были *освящены въ истинѣ*, то-есть въ Святомъ Духѣ. ибо Духъ есть истина, по слову Іоанна (1 Іоан. 5, 6),—и не другой отличный отъ Сына есть Духъ Его, именно въ отношеніи сущности, какъ и въ Немъ существующій и чрезъ Него исходящій (*δι' αὐτοῦ προῖόν*).

Говорить также, что *Онъ посланъ въ міръ*.—хотя и существуетъ въ немъ прежде вочеловѣченія, ибо Онъ былъ въ мірѣ, хотя міръ Его и не позналъ, по написанному (Іоан. 1. 10),—указывая образъ посланія не другой какой, какъ тотъ, что Онъ помазанъ Святымъ Духомъ, поскольку сталъ человѣкомъ и „великаго совѣта Ангеломъ“ явился (Иса. 9, 6), по подобію съ пророческимъ служеніемъ. А говоря, что по подобію съ Нимъ назначаются ученики и посылаются Имъ возвѣщать міру евангельскую и небесную проповѣдь, утверждаетъ, что имъ необходимо нужно освященіе въ истинѣ, чтобы они были въ состояніи наилучшимъ образомъ и мужественно совершить подвигъ своего апостольства.

ГЛАВА XI.

О томъ, что природно Сынъ одно есть съ Своимъ Отцомъ Богомъ, и Онъ въ Отца, а Отецъ въ Него по существенной связи и образу единства: подобно же и мы сами, воспріявъ въру въ Него, едино оказываемся другъ съ другомъ и съ Богомъ, кнѣ тѣлесно такъ и духовно

XVII, 20—21. Не о сихъ же молю токмо, но и о върующихъ ради словесе ихъ въ Мя ¹⁾, да вси едино будутъ. Якоже Ты, Отче, во Мя и Азъ въ Тебѣ, да и тии едино въ насъ будутъ, да мѣръ увѣруешь, яко Ты Мя послалъ ²⁾.

Какъ бы начаткомъ возсозидаемыхъ къ новой жизни и первымъ небеснымъ человѣкомъ явился Самъ Христосъ, ибо, по слову Павла, „второй Адамъ—Господь съ неба (1 Кор. 15, 47). Поэтому и сказалъ: „и никто не восходилъ на небо, только съ неба сошедшій Сынъ Человѣческій (Іоан. 3, 13). Въ тѣсномъ общеніи съ Начаткомъ стояли и гораздо болѣе другихъ къ Нему приближены были впервые избранные Имъ ученики и получившіе достоинство слѣдованія за Нимъ, кои и самовидцами (Лук. 1, 2) и зрителями славы Его содѣлались (Іоан. 1, 13, 1 Іоан. 1), всегда находясь при Немъ, сожительствуя съ Нимъ и собирая въ своихъ душахъ начатки полезнаго ученія (Дѣян. 1, 12—22). Такимъ образомъ они были и есть, послѣ сущей надъ

¹⁾ Ас оп же Мар оп о предъ върующихъ Сав молюся и тою вм токмо, а Юр Добр Тип единътъ О и др словома ихъ, но Сав и Ас е словома Юр словеса, Сим словеса Моихъ. Брест словеса ихъ ради. Ал словома ради ихъ Гал оп и предъ върующихъ. Сав въ имя Твое вм въ мя

²⁾ Ас Мар Мир Гал Ник. да вси едино суть, пропе. будутъ Ас Якоже и Ты согл. пвк. греч О Мар. чиг да и мѣръ Ас да и весь чиръ Ал въ наю Вм. увѣруешь древнесл въру и петъ согл чт литевск., во Ал въру етъ согл др чт Вев древн посла, Ал поздн послакъ си

всѣми и всѣхъ „Главы церковнаго тѣла“ (Кол. 1 18), честнѣйшіе и достославнѣйшіе члены. И на нихъ то псѣтому просить у Своего Отца ниспосланія благословенія чрезъ Духа и святости безъ сомнѣнія— и чрезъ Себя. Иначе и не могло быть, какъ скоро Онъ есть живая и истинная и всемогущая и дѣйственная премудрость и сила Родившаго Его.

Но чтобы кто либо изъ относящихся не съ должнымъ вниманіемъ къ словамъ богодухновеннаго писанія не подумалъ по легкомыслію, что на однихъ только учениковъ призвано сошествіе божественнаго Духа, но это совсѣмъ не относится къ намъ, то-есть къ тѣмъ, кои послѣ нихъ и были въ древнія времена, — Посредникъ между Богомъ и людьми, Ходатай и Первосвященникъ нашихъ душъ (1 Петр. 2, 25), желая предотвратить неразумныя мысли таковыхъ, счелъ необходимымъ къ вышеприведеннымъ словамъ присоединить и данное изреченіе, то-есть *„не о сихъ же молю только, но и о вѣрующихъ чрезъ слово ихъ въ Меня“*. Въ самомъ дѣлѣ, было бы странно, если чрезъ одного перваго, разумѣю Адама, осужденіе простирается на всѣхъ и безславнѣйшій образъ перстнаго носятъ и не согрѣшившіе, то-есть въ то время, когда праотецъ преступилъ данную ему заповѣдь, — а когда пришелъ Христосъ, Который и явился небеснымъ человѣкомъ, призванные имъ къ праведности, очевидно чрезъ вѣру, всѣ не отразили бы въ себѣ и Его также образъ. И какъ безславнѣйшій образъ перстнаго, утверждаемъ, проявляется въ такомъ видѣ и формѣ, кои имѣютъ и скверну грѣха и немощь смерти и тлѣнія и нечистоту плотскихъ страстей и земныхъ помысловъ: такъ наоборотъ, думаемъ, образъ Небеснаго, то-есть Христа, сіяетъ чистотою и истинностью, нетлѣніемъ во всемъ, жизнью и святостью. Но иначе

было невозможно возвести насъ въ первоначальную красоту, разъ отпавшихъ отъ нея ради преступленія въ первомъ (Адамѣ), какъ чрезъ полученіе несказаннаго общенія и единенія съ Богомъ, ибо такъ въ началѣ была устроена природа земныхъ обитателей. И это единеніе съ Богомъ ни въ комъ не могло быть иначе, какъ чрезъ причастіе Святаго Духа, внѣдряющаго въ насъ Свое свойство святости и подпадшую тлѣннѣю природу преобразующаго въ свойственную Ему жизнь и такимъ путемъ возводящаго къ Богу и къ образу Его то, что лишено этой славы. Вѣдь Сынъ есть чистый образъ Отца, а природное подобіе Сына есть Духъ Его. Поэтому то, преобразуя какъ бы въ Себя Самого человѣческія души, Онъ (Духъ) начертываетъ въ нихъ божественный образъ и отпечатлѣваетъ отраженіе Верховной Сущности.

Итакъ, *молитва* Господь нашъ Іисусъ Христосъ не за *однихъ* только двѣнадцать учениковъ, но за *всѣхъ*, кои во всякое время имѣли повиноваться и слѣдовать бывшимъ отъ нихъ (апостоловъ) словамъ, побуждающимъ слушателей къ воспріятію освященія чрезъ вѣру и къ очищенію, совершаемому чрезъ сообщеніе Духа. Содержаніе же прошенія не считалъ нужнымъ оставить неяснымъ для насъ, чтобы чрезъ это мы узнали, какимъ надлежитъ намъ быть и какую стезю праведности идти къ исполненію Его воли. Какое же это прошеніе и въ чемъ оно состоитъ?— „*Чтобы, говорить, одно были, какъ Ты, Отче, во Мнѣ и Я въ Тебѣ, да въ насъ одно будутъ*“. Итакъ, просить союза любви, единомыслія и мира,—союза, приводящаго вѣрующихъ къ духовному единству, такъ что согласное во всемъ и нераздѣльно единодушное единеніе отражаетъ черты природнаго и существеннаго единства, мыслимаго въ Отцѣ и Сынѣ. Впрочемъ

этотъ союзъ любви между нами и сила единомыслія отнюдь конечно не доходятъ до такой нераздѣльности, какую имѣютъ Отецъ и Сынъ, сохраняя единство въ тожествѣ сущности. Здѣсь мыслится единство природное, истинное и созерцаемое въ самомъ существованіи,—а тамъ — внѣшній видъ и подражаніе истинному единству. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ оттиски могутъ быть совершенно равны печатямъ? Такъ и отраженіе истины въ нашемъ умопредставленіи не тожественно съ самою истиною, но хотя является въ одинаковомъ (внѣшнемъ) видѣ, однакожъ имѣетъ и не малое различіе.

Если поэтому кто изъ инославныхъ вообразить, что можно извратить это природное тожество и вытекающее отсюда единство Сына съ Богомъ и Отцомъ.—потомъ въ доказательство и подтвержденіе своего безразсудства приведетъ въ примѣръ насъ, говоря такъ: какъ не тожествомъ, понимаемымъ въ смыслѣ единства, тѣль и не смѣшеніемъ одна съ другою душъ всѣ мы суть одно, но настроеніемъ и расположеніемъ любви, единомыслія и согласія въ отношеніи къ волѣ Божіей, такъ и Сынъ одно есть съ Отцемъ: то мы конечно отвергнемъ такого еретика, какъ безъ сомнѣнія невѣжественнаго и совершенно безразсуднаго. По какой причинѣ?—По той, что не должно примѣнять къ намъ превышающее насъ, ни безтѣлесное подчинять необходимости тѣль, ни свойственное Богу относить къ людямъ. Вѣдь если бы не было совсѣмъ никакого раздѣленія или различія между нами и Богомъ, то пусть думаетъ и о насъ свойственное Богу. Но если оказывается нѣкое безграничное разстояніе, то зачѣмъ они (еретики) недостатки нашей природы опредѣляютъ правиломъ и мѣриломъ для Бога, стоящую выше всякой необходимости Природу подчиняя зависящей

отъ нашей ограниченности необходимости, и тѣмъ оказываются уже совершающими нелѣпное и безразсудное дѣло? Вѣдь по оттискамъ они представляютъ печать и по подражательному подобію—истину, цѣня какъ второе то, что занимаетъ первое мѣсто, а стоящему на второмъ мѣстѣ усвоивъ свойства того, что оказывается первымъ.

Но чтобы, углубляясь въ разсужденія объ этомъ, мы не показали кому либо удаляющимися отъ толкуемыхъ словъ, считаемъ необходимымъ сказать опять, что въ примѣрѣ и образѣ нераздѣльной любви, согласія и единства, мыслимаго въ единоклюбіи, Христосъ, взявъ существенное единство, какое Отецъ имѣетъ съ Нимъ, а Онъ съ Своей стороны съ Отцомъ,—желаетъ объединяться нѣкоторымъ образомъ и намъ другъ съ другомъ, очевидно также, какъ Святая и Единосущная Троица, такъ что однимъ мыслится все тѣло Церкви, восходящее во Христѣ чрезъ соитіе и соединеніе двухъ народовъ въ составъ одного совершеннаго. Такъ и Павелъ говоритъ: „Онъ вѣдь есть миръ нашъ, содѣлавшій двухъ однимъ и средостѣніе ограды разрушившій.—вражду—плотію Своею, законъ заповѣдей ученіями упразднивъ, дабы двухъ создать въ Себѣ Самомъ въ одного новаго человѣка, творя миръ,—и примирить обоихъ въ одномъ тѣлѣ съ Богомъ чрезъ крестъ, убивъ вражду имъ“ (Ефес. 2, 14—16). Это и совершенно тѣмъ, что увѣровавшіе во Христа имѣютъ единоклюбіе между собою и усвоили какъ бы одно сердце, чрезъ всецѣлое сходство въ религіи, послушаніе въ вѣрѣ и добродушный умъ.

Вотъ что, не удаляясь отъ надлежащей цѣли, напротивъ считая необходимымъ, рѣшилъ я сказать теперь. Но такъ какъ значеніе толкуемыхъ словъ нуждается насъ войти въ болѣе глубокія умозрѣнія.—

тѣмъ болѣе, что и Спаситель побуждаетъ къ сему въ словахъ: „какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, да и они въ Насъ одно будутъ“: то надлежитъ обратить особенное вниманіе на то, какое разсужденіе подобаешь сдѣлать намъ и объ этихъ словахъ.

Уже въ предшествующихъ разсужденіяхъ мы не безъ основанія говорили, что образъ божественнаго единства и существенное тожество Святой Троицы, какъ и совершеннѣйшее взаимопроникновеніе должно находить отраженіе въ единеніи единомыслія и единой души въврующихся. Здѣсь же постараемся показать уже и природное единство, коимъ мы другъ съ другомъ и всѣ съ Богомъ связываемся, быть можетъ не безъ единства тѣлеснаго, разумѣю другъ съ другомъ, хотя и отдѣляемся различіемъ тѣлъ, такъ какъ каждый изъ насъ какъ бы заключается въ своей границѣ и ипостаси. Такъ, напримѣръ, Петръ не можетъ быть и называться Павломъ, а Павелъ опять также—Петромъ, хотя въ отношеніи единства чрезъ Христа оба они мыслятся какъ одно.

Итакъ, при исповѣданіи природнаго единства у Отца и Сына и, очевидно, у Святого Духа,—вѣдь вѣрою принимается и прославляется одно божество во Святой Троицѣ,—мы должны опять разсмотрѣть, какимъ образомъ и мы сами оказываемся одно и другъ съ другомъ, какъ тѣлесно такъ и духовно, и съ Богомъ.

Возсіавъ изъ самой сущности Бога и Отца и имѣя всего Родителя въ Своей природѣ, Единородный сталъ плотью, по писаніямъ (Іоан. 1, 14), какъ бы смѣшавъ Себя съ нашею природою, чрезъ неизреченное соитіе и единеніе съ этимъ тѣломъ земнымъ, и такимъ образомъ сущій по природѣ Богъ назвался и сталъ истинно небеснымъ человѣкомъ,—не богонос-

цѣмъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, точно не разумѣющихъ глубины таинства,—но вмѣстѣ и одновременно будучи какъ Богомъ такъ и человѣкомъ, чтобы, раздѣленное по природѣ и далеко отстоящее одно отъ другаго въ отношеніи единородности какъ бы соединивъ въ Себѣ, явить человѣка общникомъ и причастникомъ божественной природы. Вѣдь и на насъ самихъ перешло общеніе и пребываніе Духа, получивъ начало чрезъ Христа и въ первомъ Христѣ, когда Онъ мыслится подобнымъ намъ, то есть человѣкамъ, и освященнымъ, хотя Онъ есть по природѣ Богъ. поскольку явился изъ Отца, Самъ Своимъ Духомъ освящая храмъ и всю чрезъ Него произшедшую тварь, коей подобаетъ освящаться. Такимъ образомъ таинство Христово стало какъ бы нѣкимъ началомъ и путемъ того, что и мы получили Духа Святаго и единеніе съ Богомъ, ибо всѣ мы освящаемся въ Немъ, уже выше сказаннымъ образомъ.

Итакъ, Единородный опредѣлилъ нѣкоторый, изысканный подобающе Ему премудростію и совѣтомъ Отца, способъ къ тому, чтобы и сами мы сходились и смѣшивались въ единство съ Богомъ и другъ съ другомъ, хотя и отдѣляясь каждый отъ другаго душами и тѣлами въ особую личность,—именно (такой способъ): въ одномъ тѣлѣ, очевидно Своемъ собственномъ, благословляя вѣрующихъ въ Него посредствомъ таинственнаго причастія (евхаристіи)—дѣлаетъ ихъ сотѣлесными какъ Ему Самому такъ и другъ другу. Кто въ самомъ дѣлѣ могъ бы раздѣлить и отъ природнаго единенія другъ съ другомъ отторгнуть тѣхъ, кто посредствомъ одного святаго тѣла связаны въ единство со Христомъ? Вѣдь если „всѣ отъ одного хлѣба приобщаемся“, то всѣ одно тѣло составляемъ (1 Кор. 10, 17), ибо Христосъ не можетъ быть раз-

дѣляемъ. Поэтому и тѣломъ Христовымъ называется Церковь, а мы — отдѣльные члены, по пониманію Павла (1 Кор. 12, 27). Всѣ мы, чрезъ святое тѣло соединяясь съ однимъ Христомъ, какъ получившіе Его единого и нераздѣльнаго въ своихъ тѣлахъ, Ему болѣе чѣмъ себѣ самимъ должны мы считать принадлежащими свои члены

А что, при положеніи Спасителя въ качествѣ Главы, остальное тѣло называется Церковью, какъ бы устроенное изъ отдѣльныхъ членовъ, это покажетъ Павелъ въ словахъ: „чтобы уже не были мы младенцами, колеблемыми и носимыми всякимъ вѣтромъ ученія въ лукавствѣ людей, въ коварствѣ съ хитростью обмана, истинствуя же въ любви, возвращали въ Него все, Кто есть Глава Христосъ, изъ Кого все тѣло, соустраемое и скрѣпляемое чрезъ всякое присоединеніе прибавленія (увеличеніе роста), по дѣйствию въ (соотвѣтствующей) мѣрѣ отдѣльнаго каждаго члена, возвращеніе тѣла творить въ созиданіе себя въ любви“ (Ефес. 4, 14 — 16). А что мы, ставъ въ общеніе съ святою плотью Его, приобретаемъ и единеніе по тѣлу, разумѣю со Христомъ,—это засвидѣтельствуетъ опять Павелъ, говорящій о таинствѣ религіи: „что (тайна Христова) другимъ родамъ не была повѣдана сынамъ человѣческимъ, какъ нынѣ открыта святымъ апостоламъ Его и пророкамъ въ Духѣ, (именно) что суть язычники сонаслѣдники и соучастники обѣтованія во Христѣ“ (Ефес. 3, 5—6). Если же сотѣлесны всѣ мы другъ другу во Христѣ, и не только другъ другу, но и Самому, очевидно, Тому, Кто пребываетъ въ насъ чрезъ Свою плоть: то развѣ уже не ясно, что одно всѣ мы составляемъ какъ другъ въ другѣ, такъ и во Христѣ? Христосъ вѣдь есть союзъ единства, будучи вмѣстѣ и Богомъ и человѣ-

комъ. Относительно же единенія въ Духѣ, пройдя какъ бы тотъ же самый путь разсужденій, скажемъ опять, что всѣ, одного и того же принявъ Духа, разумѣю Святаго, соединяемся нѣкоторымъ образомъ и другъ съ другомъ и съ Богомъ. Правда, насъ въ отдѣльности много и каждому Христосъ вселяетъ Духъ Отца и Свой собственный, но онъ (Духъ) одинъ и нераздѣленъ. — духовъ, отдѣленныхъ отъ единства другъ съ другомъ, разумѣемъ по бытію, въ особомъ (личномъ) существованіи, собираетъ въ единство чрезъ Себя и какъ бы единымъ нѣчто дѣлаетъ всѣхъ въ Себѣ. Какъ сила Святой Плоти дѣлаетъ сотѣлесными тѣхъ, въ комъ она будетъ, такимъ точно, думаю, образомъ единый во всѣхъ нераздѣльно живущій Духъ Божій приводитъ всѣхъ къ единству духовному. Поэтому опять божественный Павелъ провозглашалъ намъ: „относясь другъ къ другу съ любовью, стараясь хранить единство духа въ союзѣ мира: одно тѣло и одинъ духъ, какъ и призваны были вы въ одной надеждѣ званія вашего: одинъ Господь, одна вѣра, одно крещеніе, одинъ Богъ и Отецъ всѣхъ, сущій надъ всѣми и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ“ (Ефес. 4, 2—6). Такимъ образомъ, при обитаніи въ насъ одного Духа, одинъ Отецъ всѣхъ въ насъ будетъ Богъ чрезъ Сына, содержащій все причастное Духу въ единствѣ другъ съ другомъ и съ Собою. А что мы чрезъ причастіе соединяемся со Святымъ Духомъ, это станетъ яснымъ и изъ слѣдующаго. Если мы, оставивъ жизнь душевную, разъ предоставили власть надъ собою законамъ Духа, то развѣ не для всякаго уже безспорно, что, отвергшись какъ бы собственной жизни и воспринявъ сверхмірное отображеніе соединившагося съ нами Святаго Духа, мы едва уже не превратились какъ бы въ другую природу, называясь

не только людьми, но и сынами Божиими и небесными человѣками потому, что явились общниками божественной природы? Итакъ, одно всё мы въ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ, одно разумѣю по тождеству свойствъ,—здѣсь надо припомнить сказанное въ началѣ разсужденіе.—и по однообразію въ религиі и общенію съ Святой Плотію Христа, и по общенію съ однимъ и Святымъ Духомъ, какъ уже прежде сказано.

ГЛАВА XII.

О томъ, что по природѣ одно есть Сынъ съ Своимъ Отцомъ Богомъ, хотя и говоритъ, что какъ бы въ качествахъ благодати Онъ принялъ это единобытіе съ Отцомъ.

XVII, 22--23. *И Азъ славу, юже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ, да будутъ едино, якоже Мы едино ¹⁾. Азъ въ нихъ и Ты во Мнѣ, да будутъ совершени во едино, да увѣсть міръ, яко Ты Мя посла и возлюбилъ (еси) ихъ, якоже Мене возлюбилъ (еси) ²⁾.*

Единородный, утверждаемъ со всею основательностію, имѣетъ существенное и природное единеніе съ Своимъ Отцомъ, и, поскольку рожденъ истиннымъ образомъ рожденія, мыслится изъ Него и въ Немъ сущимъ, причемъ хотя и признается имѣющимъ отдѣльное и особое личное бытіе, однакожь и представляется по сопророжденному тождеству сущности

¹⁾ Сав. оп. и предъ азъ Древнеслав чит. и предъ мы согл. Ит Вг и нѣк. но Ал не чит. Ал чит. *есвъ* послѣ едно, Конст. и поздн. *есмы*, *смы*, *теп* *есна* согл. греч. вар.

²⁾ Древнесл. чит. и предъ азъ согл. нѣк. Вг. и Иг. кромъ Мар Сав Мир Ал—*да увѣсть* Ал. вм. *да разумѣтъ* др. Въ слав. чит. и предъ *уразумѣтъ* согл. греч. вар. Сав. оп. *да предъ уразумѣтъ* Древнесл. *посль* безъ *еси*. Древн. *взлюбилъ я еси* Древнесл. *якоже и* (согл. Вг.) *мя възлюбилъ еси*, Ас. *взлюби*.—но Добр. и Ал. оп. и предъ *мя* Ал. *мене* вм. древн. *ия* Вм. *ты во мнѣ* чит. *ти* древнесл. (Мар. *тизъ съ з* надъ строкою). но Юр. Ал. Конст. и поздн. *ты*.